ШХ: Итак, как много ты знала о Джейкобе и его будущем, когда писала Сумерки?СМ: Джейкоб был второстепенным. Он не должен был существовать в оригинальной истории. Когда я писала вторую половину первой части Сумерек, в ней не было такого персонажа как Джейкоб. Он начал существовать примерно в тот момент, когда я как бы уперлась в стену: я не могла заставить Эдварда произнести слова я вампир. Подобные слова никак не могли сорваться с его губ — он не мог этого сказать. И это возвращает к тому, о чём мы говорили на счёт персонажах. Ты знаешь, он так долго хранил в тайне правду о себе, и это было то, из-за чего он был таким… несчастным и опустошённым. Он бы никогда не смог признаться ей.И так я подумала: Как Белла вообще поймёт это? Но я уже выбрала Форкс в качестве места действия в моей истории, и тогда я подумала: Ты знаешь, а ведь эти люди уже были здесь какое-то время, и они уже бывали в этом районе раньше. Может они оставили метки — следы — где-нибудь, чтобы она могла найти более старую историю, чтобы дать ей понимание?Именно тогда я обнаружила, что на побережье есть небольшая резервация индейцев Квилетов. Они заинтересовали меня ещё до того, как я поняла, что собираюсь включить их в историю. Я подумала: О, это интересно. Там очень глубокая и абсолютно другая история. Меня всегда завораживали истории коренных американцев, а это была история, которую я никогда прежде не слышала.Это очень маленькое племя, и оно на самом деле не очень хорошо известно, и их язык отличается от любого другого. И у них есть такие замечательные легенды — даже одна из них похожа на историю о Ноевом Ковчеге; Квилеты привязывали свои каноэ к вершинам самых высоких деревьев, чтобы их не унесло большим потопом, — которая мне показалось действительно интересной.И у них есть легенда о волках. История гласит, что они произошли от волков — волшебник обратил первого Квилета из волка в человека, вот так началась история их племени — и когда я читала легенду, я подумала: Знаешь, это довольно забавно. Потому что я знаю, что люди-оборотни и вампиры вообще не ладят. И как забавно, что есть эта история, прямо здесь, рядом с тем местом, где я поместила свою историю о вампирах.

ШХ: Это так классно, своего рода счастливая случайность, которая случается в повествование.СМ: Это чувствовалось словно, Теперь вот оно! Теперь я знаю, как всё должно быть! Какая судьба должна произойти? Таким образом, родился Джейкоб — на самом деле как средство, чтобы рассказать Белле то, что ей нужно было узнать. И, тем не менее, как только я дала ему жизнь и дала ему шанс открыть рот, я просто нашла его таким милым. Он приобрел себе эту личность, которая была такой забавной и простой. И ты любишь персонажей, ради которых тебе не приходится муторно работать.А ради Джейкоба не пришлось и грамма работать. Он просто ожил и был именно тем, что мне было нужно, и я просто наслаждалась им как личностью. Но его появление в главе 6 было действительно лимитом — это была вся его роль в этой истории. И потом, оказалось, что мой агент полюбила этого Джейкоба, и она так и не преодолела эту привязанность. Она была на сто процентов в команде Джейкоба всё это время.

ШХ: [Смеется] И, знаешь, я тоже. Я люблю Джейкоба.СМ: О, я тоже люблю Джейкоба. Так что, когда мой агент сказала: «Я хочу ещё немного истории о нём», я подумала: А знаешь, я бы с удовольствием сделала это. Но я не хочу слишком много возиться с этим. Я хотела, чтобы мой редактор вмешалась, прежде чем я начну вносить какие-либо серьезные изменения. А мой редактор чувствовала то же самое: «Знаешь, а мне это нравится. У тебя уже есть что-нибудь по этой истории с волками?»Так что, когда я начала сиквел, я знала, что в нём будут оборотни.

Потому что мне просто казалось, что все эти истории, которые являются чистой фантазией, которые являются мифами, становятся правдой для Беллы. А еще есть Джейкоб. Вот этот мир, который он просто считает глупым суеверием. Затем я подумала: Что, если всё это оказалась бы реальностью? Что, если всё, что он лишь принимает как данность, абсолютно, стопроцентно основано на фактах? Каким был бы мир, если бы мы знали, что все эти маленькие легенды вокруг нас абсолютно реальны! Я даже представить себе не могу, как бы я смогла всё осмыслить.Так что я знала, что продолжение, которое я уже начала писать, будет посвящено выяснению того, что они являются оборотнями. И это не было Новолуние — это было гораздо ближе к Ломая Рассвету. Потому что история в оригинале довольно быстро вышла за рамки средней школы. Но мой редактор сказала: «Что ж, мне бы хотелось сохранить продолжение этой истории в средней школе, потому что мы так её представили в первой книге. И я просто чувствую, что, должно быть, произойдёт столько всего, что мы упустим, если просто перескочим к взрослой Белле». И я сказала: «Ну, знаешь, я всегда могу заставить своих персонажей говорить больше — это не проблема. Давай вернемся назад, и пусть подобные материалы произойдут раньше». Так что у меня был шанс развить эту тему.К тому времени, когда я добралась до Ломая Рассвета, персонажи уже были настолько конкретизированы — и их привязанности были настолько сильны к тому, что они ненавидели или любили — что это сделало историю намного богаче, когда я подошла к ней во второй раз, потому что в ней уже было такая насыщенная предыстория.

ШХ: Я должна вернуться к тому моменту, что Джейкоб существует, благодаря тому, что Эдвард не мог произнести слова «Я вампир». Таким образом, Эдвард — это тот, кто создал необходимость существования Джейкоба. Точно так же, как существование Эдварда и близость вампиров превратило Джейкоба в оборотня. Я просто думаю, что это интересно, что эти два персонажа, которые иногда дружат, а иногда…СМ: Нет.

ШХ: …враги, кажется, не могут жить друг без друга. Они полностью рождены друг от друга.СМ: Джейкоб рождён благодаря Эдварду… и также благодаря — я полагаю, ты должна сказать, что это был недостаток — неспособности Эдварда быть честным в этом существенном факте о себе. Хотя это был вполне понятный недостаток — это было то, что он должен был хранить в тайне. Знаешь, это было не то, что ты просто сказала бы в повседневном мимолетном разговоре: «Кстати [смеется], я вампир». Это просто ненормально.Характер Джейкоба также стал ответом на недостатки Эдварда — потому что Эдвард не идеален. В нём есть черты, которые не делают его самым идеальным парнем во всём мире. Я имею в виду, что некоторые черты в нем делают его потрясающим парнем, но других черт не хватало — и Джейкоб стал своего рода альтернативой. Здесь ты имеешь Эдварда, некто, кто все переосмысливает, у которого каждая эмоция перенапряжена — и просто мучает себя. И в нём так много тревоги, потому что он так и не смирился с тем, кто он есть.

Затем вот ты имеешь Джейкоба, некто, кто никогда ни о чём не задумывается и просто такой удача-улыбается-счастливым: если что-то не так, что ж, ладно — давай просто преодолеем это и пойдём дальше. Вот Некто, кто способен воспринимать вещи немного более спокойно, кто не все слишком переосмысливает. Некто, кто немного опрометчив. Иногда он действительно кажется глупым, просто потому, что не останавливается, чтобы подумать, прежде чем прыгнуть, понимаешь?Подобное было нечто вроде противоположностью характеру Эдварда, во многих отношениях. Это придавало баланс истории и предоставило возможность выбора для Беллы, потому что я считаю, что она нуждалась в этом. У неё была возможность выбрать

другую жизнь, с кем-то, кого она могла бы полюбить — или с кем-то, кого она любит. Я всегда чувствовала, что это действительно необходимо для истории. Потому что, когда я пишу, я стараюсь, чтобы персонажи реагировали на вещи так, как, по моему мнению, реагировали бы реальные люди.Я считаю, в реальности никогда не бывает один парень — никогда не бывает этого момента, когда ты всё знаешь. Всегда есть выбор, и порой довольно сложный. Романтика и отношения — это клубок, и это беспорядок всего — ты никогда не знаешь, чего ожидать, а люди парой такие удивительные.

ШХ: Итак, для тебя была эта сюжетная линия неизбежной? Или были моменты, когда ты писала, и думала, что персонажи могли сделать тот или иной выбор?СМ: Это забавно — потому что это было неизбежно. С того момента, как я начала первый сиквел, я всегда знала, что произойдёт. В Сумерках я понятия не имела, что произойдёт — это просто произошло. Но после того, как я узнала, к чему всё это ведёт, я знала, что Эдвард и Белла будут вместе. Когда ты начинаешь писать истории, ты получаешь повороты событий — есть три, четыре или пять различных путей, по которым всё5 могло пойти, и ни один из них не был правильным. Я знала, каков настоящий путь.Но я знаю, что произошло бы, если бы Эдвард не вернулся. Ты знаешь, я знаю всю эту историю — как всё произошло и каким было бы их будущее. Я знаю, что бы произошло, если бы этот персонаж изменил — когда он совершил бы одну мелочь тут или там. Всегда есть миллион разных историй — ты просто знаешь, какую именно ты собираешься написать. Но это не значит, что других не существуют.

ШХ: И я считаю, что это проявляется в написании — что ты осознаешь эти альтернативные реальности. Я считаю, что читатель также осведомлён в этих других реальностях. И это хорошо, потому что тогда это непредсказуемо. Ты не знаешь точно, что произойдёт, потому что видишь, что есть и другие пути, по которым всё может пойти.СМ: Я думаю, именно поэтому альтернативные истории имеют развитие — потому что ты должна добавить в них остросюжетности; должен быть конфликт — и должна быть, надеюсь, какая-то загадка относительно того, куда это приведет. Если все так ясно, и очевидно, произойдёт что-то конкретное, что ж, никто не захочет это читать. Так откуда взять эту напряженность? Она появляется, когда ты начинаешь осознавать: что ж, Это могло произойти по-другому. Даже если ты знаешь, каким путем пойдут твои герои.

ШХ: Обожаю это.СМ: Всё идёт по кругу. Что-то происходит внутри чего-то ещё, но то, что произошло, каким-то образом является также местом рождения другого. Это очень запутанно [смеется] в голове писателя. По крайней мере, у меня.

ШХ: Но это похоже на жизнь, в том смысле, что, я считаю, мы все осведомлены, что, если бы мы приняли иное решение, мы жили бы в другой реальности. И ты можешь думать о других, но ты живешь в той, в которой находишься. История должна жить в той реальности, в которой она есть.СМ: Я считаю, что моё увлечение этой самой концепцией в своём роде проявляется в видениях Элис о будущем, которых насчитывается четырнадцать миллионов. По мере того как персонажи делают выбор, они сужают круг возможных видений. Элис видит проблески будущих возможностей, исходя из сделанного ими выбора. Но если они сделают другой выбор, это станет совершенно новым будущим. И это то, что происходит с нами каждый день. Ты решаешь достичь цели сегодня [смеется], и ты не знаешь, как это повлияет на всё в твоем будущем, из-за одного решения. Я всегда была действительно очарована этой концепцией, и мне нравится научная фантастика, которая имеет дело с этими направлениями.

ШХ: Итак, если бы ты знала — в то утро, когда ты проснулась после сна об Эдварде и Белле на лугу — если бы ты знала реальность, которая произойдёт после того, как ты сядешь и напишешь эту историю, ты бы всё равно написала её?СМ: Ты знаешь… я задаюсь вопросом, смогла бы я это сделать? Давление было бы таким огромным. Если бы я столкнулся со знанием: если ты сядешь и напишешь сегодня, в конечном итоге тебе придется выступать публично, перед тысячами кричащих людей; тебе придется путешествовать по миру и жить на на Драмамине и Юнисоме [Драмамин — жевательные таблетки от укачивания, Юнисом — снотворное средство]; и тебе придётся иногда находиться вдали от своей семьи; и ты добьешься большего успеха, чем когда-либо могла мечтать, но будет больше стресса, чем ты когда-либо думала, что сможешь вынести — я не знаю, каким было бы моё решение.Наверное, потому что я трусиха, я бы залезла обратно под одеяло и сказала: [высокий, писклявый голос] «Я не готова!» [Смеется]

ШХ: Догадываюсь, именно поэтому хорошо, что мы заранее не знаем, что должно произойти. Я имею в виду, если бы Белла знала всё, что должно произойти…СМ: Видишь ли, Белла так или иначе прошла бы через всё таким же путём. Я знаю, что бы сделали мои персонажи. Они очень, очень реальны для меня. Я знаю, что бы они сказали, если бы я поговорила с ними. Я знаю, что если бы я сказала так, то Джейкоб ответил бы так. И даже если бы он точно знал, чем это закончится, и что все его усилия будут напрасны, он бы не изменил ни одной крошечной детали, которую он сделал. Потому что он бы не смог сказать себе: Ну, по крайней мере, я пытался. Ему нужно было знать, что он сделал всё, что мог — потому что он такой, какой есть.И Белла бы тоже ничего не меняла, потому что в конечном итоге она получила то, что хотела, и то, какой она хотела видеть свою жизнь. И если ты очень уверен в том, чего хочешь от жизни, если ты абсолютно убежден — тогда ты можешь принять это решение и сказать: «Я не буду ничего менять, потому что это то, чего я хочу».У меня никогда не было такой абсолютной определенности и сосредоточенности в обычных повседневных вещах, когда я была подростком — я никогда не была уверена, где я хочу быть спустя десять лет, но Белла знала. И поэтому она шла через все это так, как человек идущий по раскаленным углям — потому что она знает, чего хочет по другую сторону. [Смеется]

http://tl.rulate.ru/book/52023/1470918